

Содержание цикла «Старый Свет»:

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Евгений Капба

Старый Свет
ПОРУЧИК

КНИГА 1

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 84.4

К20

Капба Е.

К20 Старый Свет. Книга 1. Поручик / Е. Капба, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 286 с. — (Старый Свет).

ISBN 978-5-521-91099-1

Вместо хруста французской булки — хруст песка на зубах. Вместо золотых погон — на плечах груз ответственности за подчиненных. Вечный поручик, без перспектив на повышение и мирную жизнь. Вечный выбор между злом большим и тем, которое чуточку поменьше. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами? Или — не правое? Или — не будет?

История — альтернативная, мир — параллельный, но...

BIC FM

BISAC FIC009000

© Евгений Капба, текст, 2023

© ИДДК

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91099-1

Часть 1

Глава I

Ночь

Промозглый ночной ветер ворвался в блиндаж, закружился по столу, заставляя вальсировать документы, поиграл огоньком керосиновой лампы и умчался через щели между бревнами. Стеценко закурил папиросу и спросил у меня:

— Будешь?

Я усмехнулся. Он покачал головой и спрятал пачку. Наверное, я был единственный некурящий офицер в нашей бригаде, а сегодняшняя ночь была не лучше и не хуже многих. С чего бы мне начинать курить?

— Ну и дурак, — резюмировал Стеценко и вытянул ноги, чтобы погреть подошвы ботинок у печки.

Я потянулся и встал с топчана. Нужно было проверить посты. Расправил шинель, застегнулся на все пуговицы и затащил потуже португеею с шашкой и револьвером.

— Ну-ну, давай, проявляй служебное рвение. Авось полковник заметит... — Стеценко задремал на своей табуретке, вытянув ноги и привалившись к стене.

Снаружи было зябко. Я втянул голову в плечи, но потом подумал, что не стоит оно того, распрямился, надел фуражку и зачем-то провел пальцами по козырьку. Сквозь ночную тьму виднелись огоньки папирос, которые курили солдаты в окопах. Мерцал непостоянный, мигающий свет от небольшого костерка, который развели бойцы, на чью долю выпало сегодня ночью не спать. Вообще-то, костер разводить

нельзя — светомаскировка. Вдруг вражеский наводчик направит сюда огонь артиллерии, или проплывающий высоко в облаках цеппелин решит сбросить свой смертоносный груз на наши позиции? Но ведь солдатам-то было холодно! И они не могли укрыться в условно теплом блиндаже, как я или Стеценко.

Я подошел к костру и сказал:

— Прикройте огонь, а то с этих станется пальнуть сюда чем-нибудь посерьезнее...

Унтер-офицер мигом соорудил из брезента и двух винтовок что-то вроде ширмы и прикрыл пламя с той стороны, где находились враги.

— Мы ж совсем маленький, ваше благородие... Холодно так.

— Пусть горит пока, там посмотрим. Нагрянет полковник с проверкой, что делать будем?

Солдаты потупились, я спросил:

— От разведки что слышно? Не вернулись?

Унтер почесал подбородок и сказал:

— С полчаса назад на той стороне пошумели-пошумели, а потом все затихло. Может, сцапали нашего ротмистра?

Другой солдат, кажется, его фамилия была Кислица, в ответ на реплику унтер-офицера буркнул:

— Нашего ротмистра сам черт не сцапает. Он же заговоренный. Правда, господин поручик?

Я поморщился. Когда о ком-то говорили, что он заговоренный, это как бы снимало всякую ответственность с носителя такой репутации. То есть все заслуги и удачи могли приписать этой заговоренности, а если, не дай Бог, человек погибал, то можно было покачать головой и сказать, что, мол, от пули никакая заговоренность не спасет. А наш Феликс был настоящим асом в своем деле. Ему удавалось добывать сведения в совершенно немыслимых ситуациях и всегда возвращаться живым и здоровым. И сохранять жизни своих бойцов. Поэтому солдаты его любили и побаивались, а

за глаза называли «нашим ротмистром». Интересно, как они меня называли?

— Ротмистр Карский — прекрасный офицер. Он всегда возвращается, так? — полуутвердительно сказал я.

Солдаты одобрительно покивали, а я бросил:

— Ракету не проспите, бойцы, — и пошел дальше по траншеям.

Мне уже делали выговор за фамильярность с солдатами, но себя пересилить я не мог. Многие из этих людей были гораздо старше и опытнее меня, да и вообще... Не так я был воспитан, что ли? Да и в офицеры попал по большому счету случайно. По крайней мере, я мог быть уверен, что никто из ребят моей штурмроты не выстрелит мне в спину.

Тут я вспомнил про случай в седьмой стрелковой, когда их поручика, который распускал руки без повода, просто не сняли с колючей проволоки, на которой он повис во время атаки. Солдаты просто ничего не сделали...

У пулеметной команды в землянке кипела жизнь. Их главный — вахмистр Перец — мировой мужик, несмотря на фамилию. С фамилиями в нашей штурмроте был вообще цирк. Как говорил Феликс: «Шапито!» Ни одна проверка или просто построение-перекличка в присутствии высших чинов не обходилась без казусов. Кстати, парень с фамилией Казус тоже был.

Я постучал в дверь землянки, услышал хриплое: «Да-а» — и вошел.

Солдаты повскакивали, а вахмистр Перец рывкнул:

— Смир-рна-а!

— Вольно, — скомандовал я, и солдаты уселись по местам.

— Ваше благородие, не хотите бараньей похлебочки?

— Это как это, господин вахмистр? Какая такая баранина? От тыловиков вроде не поступало...

— От них вообще мало чего поступает... Тут вчера цеппелин хутор разбомбил, люди-то в погребах спрятались, а баран вот

не уберется. Так хотите?

— А-а, давай.

Я подсел к котлу, взял чистую ложку и зачерпнул варева. Как говорила моя мама, пока горячее — пойдет.

Солдаты рассуждали о войне и политике. Меня им бояться было нечего, я пулеметной команде не начальство, да и вообще... Я мало кому начальство. Заместитель командира штурмроты, поручик, кавалер Серебряного креста четвертой степени. Солидно звучит, а? А по-настоящему — студент-недоучка, закончивший офицерские курсы по ускоренной программе и брошенный на фронт «затыкать дыры».

Солдаты говорили.

— Когда этих побьем, что делать будем?

— Вон Степной фронт с лоялистами не справляется. Небось туда перебросят. Нет, вахмистр, ты вроде умный мужик, можешь мне объяснить, как можно быть такой сукой, как лоялист?!

— Ладно тебе, Панкратов! Хорош кипятиться! Мы здесь с тобой баранью похлебку наяриваем, а лоялисты, небось, сухпай фирменный, оттуда...

— Да хоть икру красную! Нет, я понимаю — Протекторат. Воюют себе и воюют. Как люди. Ясно, где наши, где чужие, кто друг, а кто — не очень. Одно слово — цивилизация! А лоялисты? Вроде ж свои в доску, а ведь хуже зверей! Господин поручик, что скажете?

Я отложил ложку и посмотрел на Панкратова. Это был молодой голубоглазый солдат одного со мной возраста. Волосы коротко пострижены, на щеке — свежий шрам. Наверное, идейный.

— А я вот что скажу, рядовой Панкратов. Мы сейчас воюем за что, как думаешь?

— Как это? За Его Высочество Регента, Святую Веру и Великую Империю! — он так и произнес это все, с большой буквы.

Я заметил, как вахмистр улыбнулся уголком рта и пригладил усы, чтобы скрыть улыбку.

— Рядовой Панкратов, — медленно проговорил я, — не знаю, как вы, а я воюю за то, чтобы мои близкие не голодали, чтобы мы с вами через пару лет могли спокойно работать, и, кроме того, чтобы ни я, ни вы, ни какой-либо другой наш человек не унижался перед чужим дядей. А обеспечить это все может только, как это? Его Высочество Регент, Святая Вера и Великая Империя, которой пока нет. Но обязательно будет.

Панкратов смотрел на меня непонимающе все время, пока я высказывался, и только под конец, когда я начал говорить, ну, все с большой буквы, он утвердительно кивнул. А потом спросил:

— А лоялисты?

— Ну-у, как тебе объяснить? Лоялисты — это те, кто готов унижаться перед чужим дядей, чтоб сейчас поест фирменный сухпай.

— Я ведь и говорю — сволочи! За ноги людей на опоры вешают...

Тут в разговор вступил Фишер. Он был подносчиком патронов в пулеметной команде, поскольку ни на что другое не годился. Интеллигент до мозга костей, худой, сутулый и с пенсне на носу. Так вот Фишер сказал то, о чем я давно думал:

— Послушайте, — заговорил Фишер, — а ведь там, в окопах у лоялистов, сейчас сидят какие-нибудь парни и точно так же, на точно таком же языке называют нас шовинистами, оборванцами и Бог знает как еще. И вспоминают, что мы людей в синей форме расстреливаем без особой волокиты.

— Так это ж лоялисты! — возмутился Панкратов. — Если синяя форма — значит сволочь, это даже моя бабушка знает!

Фишер почесал макушку и, задумчиво глядя на Панкратова, сказал:

— И свой Панкратов у них есть. Только стрижка у него не короткая, а и ругает он нас почему свет стоит. Мол, имперцы

такие-сякие... И бабушка у того, ихнего Панкратова, тоже есть...

Я что-то стал терять нить разговора, встал, кивнул вахмистру и вышел.

Луна выглянула из-за туч, и неверный серебряный свет окрасил траншеи, поле, изрытое воронками, колючую проволоку и все остальное в замогильную цветовую гамму.

Откуда-то со стороны окопов второго взвода неслись звуки песни, я решил пойти послушать. По пути я встретил Стеценко, который сидел на краю окопа и ковырял что-то в подошве ботинка, бубня матерно под нос. Когда он меня заметил, то ругнулся и заявил:

— Пропалил подошву насмерть! Заснул, пока тебя не было... Сучья печка!

Я подумал, что печка моя, и, значит, он сейчас меня назвал сукой. И даже не заметил этого.

Второй взвод пел «Черный ворон». Их было человек десять, они сидели на дне окопа, курили и в перерывах между затяжками подпевали красивому чернявому парню, который чистил ружье. Я сделал ладонью успокаивающий жест, мол, сидите, не надо... Понятно ведь, что каждый раз, как велит устав, козырять проходящему мимо офицеру — это просто праздник для души, но если в окопе хотя бы нет ветра, то стоит встать в полный рост...

Над мое-ею голово-о-ой,
Ты добы-ы-ычи не дожде-ошься,
Черный ворон, я не твой!

Звук взрыва разорвал тишину ночной идиллии и заставил меня пригнуться. На той стороне происходило что-то невообразимое: треск пулеметных очередей, хлопанье винтовок... Вдруг в небо взлетела красная ракета. Секунда, вторая... Ракета взорвалась в небесах, оставив после себя ощущение праздника и две светящиеся точки, которые стремительно приближались к земле. Феликс! Думать было